Научная статья

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/97/8

«Это дело не мужское»: патриархальная деревня и новые профессии в рассказе В. М. Шукшина «Дояр»

Дмитрий Владимирович Марьин

Алтайский государственный аграрный университет
Барнаул, Россия

dvmaryin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9333-4661

Аннотация

Представлен анализ сюжетной линии, образов главных героев, идейно-эстетической позиции автора и интерпретации рассказа В. М. Шукшина «Дояр» (1962) в его связи с историческим контекстом и творчеством писателя. Рассказ до сих пор остается одним из самых малоизвестных произведений Шукшина. Автор статьи приходит к выводу, что Шукшин намеревался написать рассказ в фельетонной манере, который высмеивал бы пережитки прошлого, мешающие внедрению тезисов Третьей программы КПСС (1961) в жизнь. Однако патриархальные стереотипы восприятия традиционных для крестьянства профессий и норм поведения, в том числе гендерные, оказались для жителей деревни Баклань сильнее футуристических тезисов Третьей программы.

Ключевые слова

русская литература XX в., В. М. Шукшин, проза, публицистика, рассказы, поэтика, интерпретация, «Дояр»

Для цитирования

Марьин Д. В. «Это дело не мужское»: патриархальная деревня и новые профессии в рассказе В. М. Шукшина «Дояр» // Сибирский филологический журнал. 2026. № 4. С. 108–118. DOI 10.17223/18137083/97/8

“This is not a man’s business”: The patriarchal village and new professions in V. M. Shukshin’s short story *The Milker*

Dmitriy V. Maryin

Altai State Agrarian University
Barnaul, Russian Federation

dvmaryin@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9333-4661

Abstract

This paper analyzes the plot, main character portrayals, and the author’s ideological and aesthetic stance to interpret V. M. Shukshin’s short story *The Milker* (1962) in connection with

© Марьин Д. В., 2026

its historical context and the writer's broader oeuvre. This narrative remains one of Shukshin's least-known works. Originally, Shukshin intended to write a feuilleton-style story ridiculing the vestiges of the past that hindered the practical implementation of the 1961 Third Program of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU). He specifically addressed the adoption of mechanized agricultural professions by the youth and the introduction of modern social relations in the village. However, the patriarchal stereotypes surrounding traditional peasant professions and behavioral norms, including gender roles, proved stronger among the villagers of Baklan than the futuristic theses of the CPSU Program. The protagonist, Kolka Voevodin (an early iteration of Shukshin's "slacker" hero), who works as a milker, faces a boycott from his native village's micro-community. Shukshin's attempt at a feuilleton was ultimately unsuccessful, even though it outlined the dominant themes, motifs, and character types prevalent in his mature work. Realizing this, the author submitted *The Milker* exclusively to regional newspapers. Nevertheless, what Shukshin hesitated to declare openly in 1962, he would articulate unequivocally in 1966 in his programmatic article *A Question for Myself*.

Keywords

20th-century Russian literature, V. M. Shukshin, prose, journalism, short stories, poetics, interpretation, *The Milker*

For citation

Maryin D. V. "Eto delo ne muzhskoye": patriarkhal'naya derevnya i novyye professii v rasskaze V. M. Shukshina "Doyar" ["This is not a man's business": The patriarchal village and new professions in V. M. Shukshin's short story *The Milker*]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [*Siberian Journal of Philology*]. 2026, no. 4, pp. 108–118. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/97/8

Рассказ «Дояр» – пожалуй, самое малоизвестное произведение в литературном творчестве В. М. Шукшина. Впервые он был опубликован в номере газеты «Вечерний Ленинград» от 23 июня 1962 г. [Шукшин, 1962а, с. 3] и следом 22 июля без изменений перепечатан газетой «Туркменская искра» [Шукшин, 1962б, с. 4]. Впоследствии ни при жизни автора, ни в посмертных изданиях В. М. Шукшина рассказ больше не публиковался.

Публикации в региональных газетах и явное нежелание автора включать рассказ в сборники не могли способствовать знакомству с текстом этого произведения не только широкого читателя, но и литературных критиков, и даже исследователей творческого наследия Шукшина.

Впервые после долгого перерыва текст «Дояра» был опубликован в 1-м томе Собрания сочинений В. М. Шукшина в 8 т., подготовленного коллективом филологов Алтайского госуниверситета в 2009 г. к 80-летию писателя [Шукшин, 2009, т. 1, с. 112–116]. Позже текст рассказа вошел в новейшее и самое полное на сегодня 9-томное Собрание сочинений В. М. Шукшина [Шукшин, 2014, т. 1, с. 154–158] (переиздано в 2019 г.).

В настоящий момент нам известен только один пример литературоведческого анализа и интерпретации этого шукшинского произведения (если не считать лаконичного комментария и примечаний О. А. Скубач к тексту «Дояра» в восьмитомнике [Шукшин, 2009, т. 1, с. 323–324] и девятитомнике [Шукшин, 2014, т. 1, с. 367–368]): статья в научно-популярной «Шукшинской энциклопедии», подготовленная С. М. Козловой [Шукшинская энциклопедия, 2011, с. 106–107]. В этой статье есть целый ряд важных для интерпретации рассказа тезисов. Нельзя не согласиться с известным шукшиноведом в том, что «написанный в откровенно фельетонной манере рассказ интересен тем, что в нем намечены ведущие в творчестве Шукшина темы, мотивы, характер героя» [Там же, с. 106]. Однако такая характеристика не объясняет причин забвения рассказа, причем в первую очередь

со стороны самого Шукшина. Кроме того, на наш взгляд, специфика жанра статьи для энциклопедического издания (прежде всего ограничение в объеме) не позволила автору сделать более глубокий анализ текста шукшинского произведения, пристальнее всмотреться в узор его сюжетных и смысловых связей.

Нет профессии «дояр» и среди вошедших в раздел «Мотивы и символы творчества В. М. Шукшина» терминов в энциклопедическом словаре-справочнике «Творчество В. М. Шукшина» [2006, т. 2, с. 64–141], который, надо признать, приводит весьма скудный перечень таких слов: «актер», «библиотекарь (-рша)», «врач» и «режиссер».

В настоящей статье мы постараемся объяснить причину забвения рассказа «Дояр» его автором и критикой, обратившись к анализу сюжетной линии, образов главных героев, идейно-эстетической позиции автора и интерпретации рассказа «Дояр» в его связи с историческим контекстом и творчеством писателя.

Ввиду того что текст «Дояра» до сих пор малодоступен для читателя, приведем здесь краткое изложение содержания рассказа.

Молодой парень Колька Воеводин, вернувшийся после долгого отсутствия в родное село Баклань, по призыву райкома комсомола стал дояром, «мастером механической дойки». Колька быстро освоился с профессией, но односельчане так и не смогли принять его решение и постоянно подсмеиваются над парнем. Даже друзья стали называть Кольку «Гавриловна» (его отчество – Гаврилович). Завязать отношения с девушками не получается: те сетуют, что от него пахнет молоком. Но больше всех насмехается над Колькой «нагловатый парень» Иван Стебунов, Стяба, как его называли в деревне. При любом случае и в присутствии других сельчан он все время подшучивает над профессией Кольки Воеводина. Через полтора месяца, устав от постоянных подтруниваний, Колька идет к директору совхоза и, несмотря на все увещевания и посулы, решает уволиться. Выйдя из кабинета, он встречает Стябу, который пришел для того, чтобы устроиться на работу дояром…

«Дояр» обладает основным набором средств поэтики и стилистики, характерных для других ранних рассказов В. М. Шукшина. «В своих рассказах начала 1960-х гг. Шукшин борется с условностью искусства» [Куляпин, 2005, с. 12]. В ранних произведениях писателя это, в частности, проявляется в использовании аутентичной топонимии в текстах [1]. «В. М. Шукшин не был индифферентным к топонимическому составу в своих произведениях» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 484]. В рассказе «Дояр» упомянуты реальные топонимы: Баклань, Бийск, Кузбасс, которые достаточно точно позволяют локализовать место действия: малая родина Шукшина, село Сростки.

Напомним, что «Баклань» – реальный топоним (точнее микротопоним). Это неофициальное, народное название одной из частей («краев») села Сростки. В незаконченном очерке под условным названием <Село родное> (1966?) Шукшин так писал о Сростках: «Было пять краев: Баклань, Низовка, Мордва, Дикари и Голожопка. Так было еще при мне. Баклань – это коренные сибиряки, чалдоны. Угрюмоватые, скуластые, здоровые... Мужики ходили – руки в брюки, не торопились,

[1] В зрелом творчестве В. М. Шукшин стремится к большему обобщению, чаще всего снимая однозначные локальные привязки топоса своих произведений за счет сокращения ойконимов («город Б.» в рассказе «Первое знакомство с городом» из цикла «Из детских лет Ивана Попова» (1968)) или использования широко распространенных, географически нейтральных названий (деревни Новая в «Срезал» (1970) или Сосновка в киноповести «Калина красная» (1973) и т. п.).

смотрели снисходительно, даже презрительно. Если бывали не среди своих, – помалкивали. Работяги. Лишнюю копейку не пропьют. Все рыбаки, охотники. У всех лодки. Катунь знали верст на пятьдесят вверх и вниз по течению. Драться не любили, но умели» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 29]. Баклань станет местом действия и в романе «Любавины» (1965), над которым писатель работал какой-то период времени параллельно с «Дояром».

Еще один локальный маркер в тексте рассказа – фамилии персонажей. В прозе Шукшина фамилию Воеводин носит герой рассказа «Степка» (1964), откуда она перекочевала в созданный на основе рассказа х/ф «Ваш сын и брат» (1965), а затем и в одноименную киноповесть. Воеводины – реальная фамилия, сростинская, они доводились родственниками Шукшиным. Воеводина (Шукшина) Анна Михайловна – тетя В. М. Шукшина по отцу.

Еще один персонаж «Дояра», «нагловатый парень Иван Стебунов», – тезка одноклассника Василия Шукшина Ивана Николаевича Стебунова. Предположим, что литературному персонажу кроме имени достались и черты характера прототипа. Ведь возможно, что именно Иван Стебунов – автор прозвища, данного Василию в школе: «Скоба». «Вызвала его (т. е. Василия. – *М. Д.)* Антонина Деевна к доске решать пример со скобками, а он скобку называл “скоба”. Учительница его раз поправила, два, а он свое – скоба и скоба. Может, из упрямства не хотел поправиться. Ну, ребята и подхватили это слово, и стал он Скобой», – вспоминал позже реальный Иван Стебунов [Он похож на свою родину…, 2009, с. 82].

Встречается фамилия одноклассника Шукшина и в его прозе. В рассказе «Наказ» (1972) упоминаются Климка и Митьша Стебуновы.

Ономастические маркеры используются Шукшиным уже в первых двух абзацах рассказа и локализируют топос произведения, придавая ему достоверность, реалистичность, а может быть, и документальность. Установка на десимволизацию, сознательное игнорирование специфики художественного образа – одна из особенностей раннего литературного творчества В. М. Шукшина [Куляпин, 2005, с. 10, 12]. Неслучайно Г. Митин, один из первых критиков, обративших внимание на рассказы Шукшина, отмечал эту их особенность: «Это даже не рассказы, а то, что в живописи называют этюдами с натуры» [Митин, 1964, с. 14].

Подобная авторская установка требует обращения к историческому контексту времени написания и публикации рассказа «Дояр» при его интерпретации.

30 июля 1961 г. в газетах «Правда» и «Известия» была опубликована Третья Программа КПСС – главный документ, принятый на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 г. Основной целью программы было создание плана строительства коммунизма на 1961–1980 гг. Стержнем нового подхода к строительству коммунизма служила попытка заменить жесткую сталинскую централизацию власти социалистическим самоуправлением по принципам коммунистической морали. Моральный кодекс строителя коммунизма стал важнейшей частью Третьей программы.

Одной из задач КПСС в области экономического строительства провозглашалось развитие сельского хозяйства и общественных отношений в деревне. В частности, необходимо было «обеспечить постепенный переход советской деревни к коммунистическим общественным отношениям и ликвидировать в основном различия между городом и деревней» [2]. По культурно-бытовым условиям жизни сельское население должно сравняться с городским.

[2] Текст Третьей программы КПСС. URL: https://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/III_program_KPSS_files/066.htm#2 (дата обращения 13.02.2025).

Главные тезисы программы не могли не вызвать резонанса в общественном сознании. «Все хотели перегнать Америку по мясу, молоку и прогрессу на душу населения: “Держись, корова, из штата Айова!”» [Вайль, Генис [*], 2014, с. 25]. Но не только светлая перспектива высоких урожаев и, как следствие, продовольственного благополучия волновала советских людей.

Тезис о развитии новых общественных отношений в деревне оказался не менее значим. В научной периодике появляются материалы социологических и даже этнографических (!) исследований, посвященных новому типу общественных отношений на селе. «В деревнях Калининской области (как и других областей страны) прочно утвердился новый тип крестьянина-колхозника, человека передового, обладающего широким кругозором, хозяина колхозной земли, полноправного члена советского общества. <…> Сельский труженик 1960-х годов отличается не только от крестьянина периода коллективизации, но даже и от колхозника первых послевоенных лет, который продолжал оставаться еще во многом “деревенским”. Теперь колхозник по своему культурному уровню мало чем отличается от рабочего промышленных предприятий», – делался вывод в статье Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой в журнале «Советская этнография» уже через год после выхода в свет Третьей программы КПСС [Анохина, Шмелева, 1962, с. 23] [3].

Василий Шукшин тоже откликнулся в своем литературном творчестве на идеологическую повестку, заложенную в Программе партии.

В рассказе «Правда» (1961) персонаж Николая Воловика, даже советскими критиками названный «невыносимо положительным» [Творчество В. М. Шукшина, 2007, т. 3, с. 225], воплощает ключевые максимы Морального кодекса строителя коммунизма.

В то же время колхоз «Пламя коммунизма», которым руководит другой персонаж, Николай Аксенов, представляет собой, в соответствии с тезисами Программы, образец «высокоразвитого механизированного хозяйства»: «У меня хозяйство хорошее, Микола. Ферма!.. Ты знаешь, какая у меня ферма! Вся начисто механизирована! – Аксеныч широко повел правой рукой; в глазах его засветился счастливый огонек. – Ребята-дояры – вот такие! Комсомольцы» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 70] [4]. В этой фразе Аксенова одним из признаков передового хозяйства (наряду с механизацией) становится профессия *дояра* – современная профессия с четко определенным гендерным оттенком (ср. парное название ж. р. «доярка»).

И вот в 1962 г. Шукшин публикует новый рассказ «Дояр», где номинация профессии станет уже заголовком.

Дояр – синоним названия профессии оператора машинного доения. Это работник молочного хозяйства, специалист по машинному доению коров, овец, коз, кобыл и других молочных животных. Основные функции оператора машинного доения – подготовка животных к доению, установка доильного аппарата, заключительные операции после дойки. Оператор может быть также наделен некоторыми обязанностями скотника, связанными с уходом за животными.

Профессия дояра изначально подразумевает яркую гендерную окраску. Доение коров в деревне традиционно считалось чисто женской профессией, но в со-

[*] Минюстом РФ А. Генис включен в реестр лиц, выполняющих функции иностранных агентов.

[3] В этой статье, которая является результатом полевых этнографических исследований, проводившихся авторами еще в 1956–1960 гг. в Калининской области, есть, тем не менее, прямые цитаты из текста Третьей программы КПСС [Анохина, Шмелева, 1962, с. 23].

[4] Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

ветских колхозах и совхозах в послевоенное время этим трудом занимались и мужчины. Процесс доения в большинстве хозяйств в 1950–1960-х гг. был автоматизирован. Однако первые аппараты машинного доения были несовершенны, часто выходили из строя, поэтому считалось, что именно мужчины лучше справятся с техническими аспектами обслуживания оборудования. В передовых хозяйствах доярам отдавалось предпочтение. Государство поощряло эту тенденцию. С 1969 г. в РСФСР ежегодно проводился Всероссийский конкурс по профессии, причем отдельно проводились женский и мужской зачеты. Заслуги дояров отмечались на самом высоком уровне. Например, дояр колхоза им. М. И. Калинина (Кировский р-он Ставропольского края) Георгий Петрович Кобаидзе (1944–2017) в 1984 г. стал Героем Социалистического труда.

Приток мужчин в традиционно женскую профессию был связан и с борьбой за разделение труда, которая активно велась в СССР в 1960-е гг. [Передельский, 2024]. Советскую женщину стремились освободить от тяжелой работы, предоставить ей больше времени для семьи и быта. Местными органами исполнительной власти утверждались перечни работ, куда женщин брать запрещалось. Например, такой перечень был утвержден решением Моссовета в январе 1960 г., и за последующие три года в рамках исполнения этого решения работу потеряли более 10 тысяч женщин, трудившихся ранее в разных управлениях Мосгорисполкома [Там же].

В основе рассказа В. М. Шукшина «Дояр» лежит как раз конфликт гендерных стереотипов в восприятии новой профессии. Жители Баклани не приняли профессию дояра именно в ее гендерном аспекте. Шукшин усиливает эту основную линию конфликтом современности и патриархальности на фоновом уровне, ведь реальную Баклань населяли чалдоны, «кондовые» сибиряки, старожилы.

Колька Воеводин, став дояром, оказывается в ситуации бойкота со стороны микросообщества родной деревни. «Кольку все знали, знали, чем он занимается, и не было дня, чтобы его как-нибудь не подкололи» (с. 154). Семантический вектор этих «подколов» явно направлен в сторону профессиональной и социальной демаскулинизации Кольки. Его отчество переиначивают на женское «Гавриловна», «в очереди в магазине» приравнивают к дояркам («Между прочим, недавно решение сельсовета было: доярок пропускать без очереди» (с. 154)). Прогрессивная профессия становится преградой для Кольки при попытке завязать отношения с девушками.

> Хуже всего, что и девки тоже посмеивались. А одна – Колька провожал ее до дому – прямо сказала:
>
> – Коля, от тебя на самом деле молоком пахнет.
>
> Колька долго шел молча, стиснув зубы.
>
> <…>
>
> – Коля, но ты же парень. Верно?
>
> – Я ме-ха-ни-затор! – Колька гулко стукнул кулаком себя в грудь. – Я мастер механической дойки!
>
> – Ты меня извини, конечно, но это дело не мужское. Вот и все (с. 155).

Отвечает Колька на шутки в свой адрес избитыми газетными идеологическими штампами «вы все тут погибаете в пережитках», «кликуши», «разночинцы» [5], на односельчан, впрочем, не действующими.

Патриархальные стереотипы оказались для жителей деревни сильнее футуристических тезисов Третьей программы КПСС и их идеологических подпорок. И даже, казалось бы, самая идейно стойкая часть молодежи – комсомольцы – в этой ситуации спасовала:

> Вызвали их, шестеро комсомольцев, в райком комсомола.
>
> – Вы не думайте, пожалуйста, что это, так сказать, позорное дело. Это – если бы руками доить, тогда понятно: не мужское занятие. Но тут ведь механизация! Тут нужен ум да ум. Кто согласен?
>
> Пятеро стали смотреть в пол, в окна, в потолок… Колька – точно его кто подтолкнул сзади – встал и сказал громко:
>
> – Я согласен. – И посмотрел с вызовом на товарищей.
>
> А пятерых так и не уговорили. Уговаривали долго. Пятеро уперлись на своем: «Не желаем. Ни в своей деревне, ни в соседних. Вообще – лишние разговоры» (с. 154).

Характерно, что дояром согласился стать только Колька – человек уже оторванный от деревни, от ее патриархального уклада, перекати-поле, тип шукшинского героя-«бездельника» [Немец-Игнашев, 2024, с. 247, 248] с его неприкаянностью, знакомой и по другим рассказам писателя.

> В тяжелые для деревни годы Колька, как многие молодые парни, тягануул в город, работал на шахтах в Кузбассе, потом шофером, попал в аварию… Последнее время плотничал на новостройке в городе Бийске. Потом бросил все, приехал в родное село (с. 154).

Колька Воеводин подобно Васёке из раннего же рассказа «Стенька Разин» (1962) пробует силы в профессиях, «которые Шукшин неоднократно давал более поздним героям» [Немец-Игнашев, 2024, с. 248], причем в профессиях не сельских, далеких от патриархальной сферы крестьянского труда [6].

«Нездешность», отчужденность Кольки подчеркивается и чисто внешним признаком, который повторится позже в шукшинском творчестве: «губастый парень» (с. 154). «Толстогубый» и Глеб Капустин из рассказа «Срезал» (1970).

---

[5] В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» (1912) при характеристике истории русского революционного движения назвал период 1861–1895 гг. «разночинским, или буржуазно-демократическим» этапом освободительной борьбы в России. В советской историографии эта характеристика разночинской интеллигенции стала расхожей. Слово «кликуша», наряду с «ханжой» и «пустосвятом», еще в XVIII в. вошло в число слов, обозначающих осуждаемые официальной идеологией формы религиозного поведения, и, по сути, образовало синонимический ряд с этими словами. У Шукшина с негативными коннотациями (как инвективное слово) оно встречается также в рассказе «Космос, нервная система и шмат сала» (1966): «Странно, но старик в бога тоже не верит.

– Делать нечего – и начинают заполошничать, кликуши, – говорит он про верующих. – Робить надо, вот и благодать настанет» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 9].

[6] «Кем он только не работал после армии! Пастухом, плотником, прицепщиком, кочегаром на кирпичном заводе. Одно время сопровождал туристов по окрестным горам. Нигде не нравилось. Поработав месяц-другой на новом месте, Васёка приходил в контору и брал расчет» (с. 121).

В деревне Новой он чужой, будучи родом из соседнего села [Шукшин, 2014, т. 5, с. 73].

Конфликт Кольки Воеводина и сельчан в рассказе «Дояр» актуализирует еще одну проблему, которая характерна для творчества Шукшина в целом: противопоставление традиционных, часто исчезающих, сельских профессий и новых, как правило, ассоциируемых с влиянием города.

Для Шукшина проблема кроется даже не в социальном престиже той или иной профессии. Профессии скотника, конюха или пастуха в иерархии сельских профессий и в контексте патриархальных стереотипов не престижны. Но они, тем не менее, не отторгаются деревенским микросоциумом, подобно дояру. В незавершенном наброске «Только это не будет экономическая статья» <1967> сам Шукшин отмечает: «Еще один разговор – с двоюродным братом. Работал шофером в совхозе, нарушил правила езды, отняли права на год. Парень окончил десятилетку, учится заочно в техникуме, слесарь и еще киномеханик… Директор совхоза предложил: “Бери вилы – и на скотный двор”. Бывшему моряку, механизатору – на скотный двор… При всем уважении к скотному двору я бы тоже не пошел» [Шукшин, 2014, т. 9, с. 35]. В рассказе «Племянник главбуха» (1962) дядя объясняет Витьке нюансы профессии конюха: «У нас в родне все в люди вышли, авторитетом пользуются, а ты… Вот осел-то! – громко возмутился дядя. – Ты думаешь, конюхом – хитрое дело? Это ведь кому уж деваться некуда, тот в конюхи-то идет. Голова садовая! Ну, ничего! Я возьмусь за тебя» (с. 114). И если предложение быть приставленным к «машине какой-нибудь» Витька принимает с готовностью, то учиться на счетовода начисто отказывается.

Многие герои Шукшина, которым автор явно симпатизирует, – носители таких непрестижных, но традиционных для крестьянства профессий, как, например, главный герой рассказа «Алеша Бесконвойный» (1973):

> Борис, сын, с некоторых пор стал – не то что стыдиться, а как-то неловко ему было, что ли, – стал как-то переживать, что отец его – скотник и пастух. Алеша заметил это и молчал. По первости его глубоко обидело такое, но потом он раздумался и не показал даже вида, что заметил перемену в сыне. От молодости это, от больших устремлений. Пусть. Зато парень вымахал рослый, красивый, может, бог даст, и умишком возьмет. Хорошо бы. Вишь, стыдится, что отец – пастух… Эх, милый! Ну, давай, давай – целься повыше, глядишь, куда-нибудь и попадешь [Шукшин, 2014, т. 6, с. 102].

Даже авторский пафос в отношении отмирающих крестьянских профессий имеет вовсе не фельетонный оттенок, а скорее сентиментальный. «И специальность моя скоро отойдет даже: не нужны будут шорники» (с. 170), – с грустью замечает Антип Калачиков в рассказе «Одни» (1963). Трогает деревенского кузнеца творчество Васёки именно тогда, когда тот показывает вырезанную из дерева фигурку смолокура:

> Кузнец долго разглядывал его.
> – Смолокур, – сказал он.
> – Ага. – Васёка глотнул пересохшим горлом.
> – Таких нету теперь.
> – Я знаю.
> – А я помню таких. Это что он?.. Думает, что ли?
> – Песню поет.

– Помню таких, – еще раз сказал кузнец. – А ты-то откуда их знаешь?
– Рассказывали (с. 123).

Шукшин в рассказе «Дояр», по сути, констатирует, что, несмотря на призыв Третей программы КПСС по созданию новых общественных отношений в деревне, патриархальные стереотипы в поведении индивида и в восприятии крестьянского труда изменить пока не удалось. И даже гротескный финал рассказа, когда уже уволившийся Колька, выходя от председателя колхоза, встречает Стябу, пришедшего устраиваться на работу дояром, не меняет общую смысловую установку рассказа. «– Совсем увольняешься? – Совсем. – Зря, – сказал Стяба серьезно. – Я думал, ты действительно идейный парень» (с. 158). Фраза Стябы в некотором роде парадоксальна. Ведь из нее логически вытекал вывод, о том, что Колька – безыдейный комсомолец…

Итак, фельетон, высмеивающий пережитки прошлого, мешающие внедрению тезисов Третьей программы КПСС в жизнь, у Шукшина не удался. Писатель это хорошо понимал, поэтому и предложил «Дояра» только в региональные газеты, ведь лучшие рассказы этого периода Шукшин публикует в журнале «Октябрь» [Куляпин, 2005, с. 118]. По той же причине писатель никогда не включал этот рассказ в сборники своих произведений.

Вряд ли Шукшин сознательно пошел на открытый спор с главным документом партии. Писатель здесь, скорее, следовал за материалом, за характерами своих героев.

Однако то, о чем Шукшин не рискнул открыто заявить в своих произведениях в 1962 г., он во весь голос скажет в 1966 г. в программной статье «Вопрос самому себе»: «Грань между городом и деревней никогда не должна до конца стереться. Никакой это не агрогородок – деревня – даже в светлом будущем. Впрочем, если в это понятие “агрогородок” входит электричество, машины, водопровод, техникум и театр в райцентре, телефон, учреждения бытового обслуживания, – пусть будет агрогородок. Но если в это понятие отнести и легкость, положим, с какой горожанин может поменять место работы и жительства, – не надо агрогородка. Крестьянство должно быть потомственным. Некая патриархальность, когда она предполагает свежесть духовную и физическую, должна сохраняться в деревне» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 17]. Правда к этому времени Шукшин уже перейдет в лагерь либерального «Нового мира» (в 1963 г.), а главный идеолог Третьей программы партии Н. С. Хрущев будет смещен с поста Первого секретаря ЦК КПСС (в 1964 г.)…

Список литературы

Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Некоторые черты нового духовного облика современного колхозника (по материалам Калининской области) // Сов. этнография. 1962. № 4. С. 23–33.

Вайль П., Генис А. * 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ: CORPUS, 2014. 432 с.

Куляпин А. И. Творчество В. М. Шукшина: от мимезиса к семиозису. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 140 с.

Митин Г. Любви порывы… //Литературная Россия. 1964. 19 июля. С. 14.

Немец-Игнашев Д. О. Мастерство Василия Шукшина. Воля через песню // Творчество В. М. Шукшина в России и за рубежом: Сб. науч. ст., посвящ.

95-летию со дня рождения В. М. Шукшина / Науч. ред. С. М. Козлова, отв. ред. И. В. Шестакова. Барнаул: Азбука, 2024. С. 245–254.

Он похож на свою родину: земляки о Шукшине. Бийск: ИД «Бия», 2009. 340 с.

Передельский Д. Какие профессии в СССР оказались запретными для женщин // Родина. 2024. 11 сент. URL: https://rodina-history.ru/2024/09/11/reg-cfo/kakie-professii-v-sssr-byli-zapretnymi-dlia-zhenshchin.html (дата обращения 25.02.2025).

Творчество В. М. Шукшина: Энциклопедический словарь-справочник: В 3 т. / Науч. ред. А. А. Чувакин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Т. 2. 290 с.; 2007. Т. 3. 360 с.

Шукшин В. Дояр // Вечерний Ленинград. 1962а. 23 июня. С. 3.

Шукшин В. Дояр // Туркменская искра. 1962б. 22 июля. – С. 4.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. О. Г. Левашовой. Барнаул: ИД «Барнаул», 2009.

Шукшин В. М. Собр. соч.: В 9 т. / Под общ. ред. Д. В. Марьина. Барнаул: ИД «Барнаул», 2014.

Шукшинская энциклопедия / Гл. ред. и сост. С. М. Козлова. Барнаул, 2011. 518 с.

References

Anokhina L. A., Shmeleva M. N. Nekotorye cherty novogo dukhovnogo oblika sovremennogo kolkhoznika (po materialam Kalininskoy oblasti) [Some features of the new spiritual image of the modern collective farmer (based on materials from the Kalinin region)]. *Sovetskaia Etnografia.* 1962, no. 4, pp. 23–33.

Kulyapin A. I. *Tvorchestvo V. M. Shukshina: ot mimezisa k semiozisu* [Creativity of V. M. Shukshin: from mimesis to semiosis]. Barnaul, AltSU, 2004, 140 p.

Mitin G. Lyubvi poryvy [Love impulses]. *Literaturnaya Rossiya*. 1964, July, 19, p. 14.

Nemetz-Ignashev D. O. Masterstvo Vasiliya Shukshina. Volya cherez pesnyu [Mastery of Vasily Shukshin. Will through song]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v Rossii i za rubezhom. Sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh 95-letiyu so dnya rozhdeniya V. M. Shukshina.* [Creativity V. M. Shukshin in Russia and abroad. A collection of scientific articles dedicated to the 95th anniversary of the birth of V. M. Shukshin]. Kozlova S. M. (Ed.). Barnaul, Azbuka, 2024, p. 245–254.

On pokhozh na svoyu Rodinu: zemlyaki o Shukshine [He looks like its Homeland: fellow countrymen about Shukshin]. Filatov S. V. (Ed.). Biysk, ID “Biya”, 2009, 340 p.

Peredyel’skiy D. Kakiye professii v SSSR okazalis’ zapretnymi dlya zhenshin [What professions were prohibited for women in the USSR?]. *Rodina*. 2004, no 9. URL: https://rodina-history.ru/2024/09/11/reg-cfo/kakie-professii-v-sssr-byli-zapretnymi-dlia-zhenshchin.html (accessed 25.02.2025).

Shukshinskaya entsiklopediya [Shukshin’s encyclopedia]. Kozlova S. M. (Ed.). Barnaul, 2011, 518 p.

Shuksin V. Doyar [The Milker]. *Turkmenskaya iskra*. 1962, July, 22, p. 4.

Shuksin V. Doyar [The Milker]. *Vecherniy Leningrad*. 1962, June, 23, p. 3.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 8 t.* [Collected works: In 8 vols]. O. G. Levashova (Ed.). Barnaul, ID “Barnaul”, 2009.

Shukshin V. M. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: In 9 vols]. D. V. Mar’in (Ed.). Barnaul, ID “Barnaul”, 2014.

Tvorchestvo V. M. Shukshina: Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik: V 3 t. [Creativity of V. M. Shukshin: Encyclopedic dictionary-reference: In 3 vols.]. Chuvakin A. A. (Ed.). Barnaul, AltSU, 2006, vol. 2, 290 p.; 2007, vol. 3, 360 p.

Vayl' P. *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960's. The world of the Soviet man]. Moscow, AST, CORPUS, 2014, 432 p.

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Марьин, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Алтайского государственного аграрного университета (Барнаул, Россия)
Scopus Author ID 57208688092
WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Information about the author

Dmitriy V. Maryin, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor in the Department of Humanities, Altai State Agrarian University (Barnaul, Russian Federation)
Scopus Author ID 57208688092
WoS Researcher ID IZP-7767-2023

Статья поступила в редакцию 27.02.2025;
одобрена после рецензирования 03.12.2025; *принята к публикации 03.12.2025*
The article was submitted on 27.02.2025;
approved after reviewing on 03.12.2025; *accepted for publication on 03.12.2025*